

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-65-73

МИРОНОВ Владислав Юрьевич,
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового,
банковского и таможенного права
имени профессора Нины Ивановны Химичевой
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
e-mail: mironovmail@yandex.ru

ОТ СТРАТЕГИИ К ДОВЕРИЮ: РЕГУЛЯТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Акты стратегического планирования Правительства Российской Федерации и Банка России рассматриваются в качестве значимого правового инструментария для построения доверительной среды на финансовом рынке. Определено, каким образом стратегические документы влияют на развитие финансово-правовых институтов в условиях цифровой экономики. Показано, как общетеоретические принципы соразмерности и баланса публичных и частных интересов получают отраслевую конкретизацию в науке финансового права. Отдельное внимание уделено правотворческой и правоинтерпретационной деятельности Банка России. Охарактеризована возрастающая роль актов «мягкого права» в условиях цифровизации. На основе анализа стратегических приоритетов развития финансового рынка сформулированы выводы о трансформации публичного банковского права и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: акты стратегического планирования, Банк России, доверительная среда, финансовый рынок, публичное банковское право, цифровизация, мягкое право, баланс интересов, защита прав потребителей, правовая политика, интерпретационные акты.

MIRONOV Vladislav Yurievich,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor,
Department of Financial, Banking and Customs Law
named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
Saratov State Law Academy

FROM STRATEGY TO TRUST: REGULATORY POTENTIAL OF STRATEGIC PLANNING ACTS IN THE FINANCIAL MARKET UNDER DIGITALIZATION

Annotation. The article examines strategic planning acts of the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia as a significant legal instrument for building a trusted environment in the financial market. The study determines how strategic documents influence the development of financial legal institutions in the digital economy. It demonstrates how general theoretical principles of proportionality and balance between public and private interests receive sector-specific concretization in financial law scholarship. Special attention is paid to the law-making and law-interpreting activities of the Bank of Russia. The growing role of soft law instruments in the context of digitalization is characterized. Based on the analysis of strategic priorities for financial market development, conclusions are drawn regarding the transformation of public banking law, and proposals for improving legal regulation are formulated.

Key words: strategic planning acts, Bank of Russia, trusted environment, financial market, public banking law, digitalization, soft law, balance of interests, consumer protection, legal policy, interpretative acts.

В условиях беспрецедентного санкционного давления и структурной трансформации глобальной финансовой архитектуры ключевым приоритетом для Российской Федерации становится обеспечение устойчивости национальной финансовой системы. Центральное место в этом процессе занимает формирование качественной правовой среды, способной повысить доверие всех участников рынка – от рядовых потребителей до институциональных инвесторов. Как справедливо указывается в теории права, специфика финансового рынка требует сбалансированности публичных интересов государства (стабильность, финансовый суверенитет) и частных интересов бизнеса и граждан [4, с. 22] в связи с тем, что в сфере регулирования финансового права четко прослеживаются противоречия между публичными и частными интересами, а возникновение конфликтов в рассматриваемой области общественных взаимоотношений может привести к нежелательным последствиям. Достижение такого баланса требует не только совершенствования текущего законодательства, но и формирования долгосрочных ориентиров развития, закрепляемых в актах стратегического планирования. В финансово-правовой доктрине деятельность по охране прав и законных интересов получателей финансовых услуг по праву признаётся одной из приоритетных линий современной финансово-правовой политики. При этом особо отмечается, что у Банка России постепенно складывается качественно новый статус – органа, уполномоченного на защиту указанной категории лиц. В число целей регулирования финансового рынка входит также обеспечение прав и законных интересов основных потребителей услуг на этом рынке [10, с. 177].

Актуальность темы исследования обусловлена также стремительной цифровизацией финансовой сферы, которая порождает новые вызовы для правового регулирования. Внедрение технологий искусственного интеллекта, развитие дистанционных каналов продаж финансовых продуктов, рост киберугроз – все это требует адекватного правового реагирования, которое должно быть не только оперативным, но и концептуально выверенным. Именно акты стратегического планирования призваны задавать векторы такого реагирования, обеспечивая предсказуемость и стабильность регуляторной среды.

Иерархия и юридическая природа актов стратегического планирования в финансовой сфере. В рамках действующей системы стратегического планирования, регламентированной Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», ключевое место принадлежит про-

граммно-целевым документам. Указанная система выстраивает соподчинённость целей и приоритетов: от президентских актов (в частности, Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») до ведомственных и отраслевых документов Правительства и Банка России. Высший уровень этой иерархии образуют основополагающие акты – например, Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400, который устанавливает общие контуры поддержания финансовой стабильности как составной части национальной безопасности. Непосредственные ориентиры для эволюции финансово-правовых институтов задаёт Стратегия развития финансового рынка РФ до 2030 года, одобренная распоряжением Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р.

Задачи настоящей работы состоят в следующем: определить юридическую значимость актов стратегического планирования Правительства РФ и Банка России (выступающего в роли мегарегулятора) для построения доверительной среды; выявить ключевые направления трансформации финансово-правовых институтов в контексте цифровизации; а также выработать рекомендации по совершенствованию правовых механизмов регулирования с учётом актуальных вызовов.

Принципы соразмерности и баланса интересов как основа доверительной среды. Устойчивость доверия к финансовому рынку не достигается одними лишь запретительными мерами и санкционными инструментами. Такое доверие складывается из взаимного влияния общесоциальных ожиданий и специальных юридических средств их воплощения. С точки зрения общей теории права, принципы доверия и добросовестности имеют конституционно-правовую природу и находят своё отражение в отраслевых юридических дисциплинах, включая науку финансового права. Данные принципы служат фундаментом для банковской деятельности, обеспечивая надёжность финансовых организаций и охрану интересов потребителей.

В условиях беспрецедентного санкционного давления вопросы обеспечения финансовой и экономической безопасности приобретают особую остроту. Как справедливо отмечает Ю.В. Жилкина, «по мере нарастания масштабов глобализации все большая часть государственного суверенитета перераспределяется между региональными, наднациональными и всемирными регулирующими институтами, приобретающими функции субъектов международного права. В то же время дальнейшее углубление процессов финансовой глобализации и растущая оторванность финансовых рынков от реальной экономики увеличивают риски возникновения кризисных

ситуаций в финансовой сфере. Как результат, возрастает потребность государства в разработке и внедрении действенных механизмов обеспечения национальной экономической безопасности, способных предотвратить или сгладить последствия валютно-финансовой дестабилизации» [5, с. 34].

Дуальная сущность права проявляется в единстве и противоположности двух начал: общесоциального (право как выразитель общих интересов, ценностей справедливости, свободы) и специально-юридического (право как система формально-определенных норм, обеспеченных государственным принуждением). В сфере финансового рынка это противоречие приобретает особую остроту. С одной стороны, правовое регулирование должно обеспечивать стабильность финансовой системы как публичного блага, что требует жестких императивных методов. С другой стороны, оно не может игнорировать потребности рынка в гибкости, инновационности, учете интересов частных лиц.

Особую сложность в данном контексте представляет соотношение двух ключевых целей деятельности Банка России как мегарегулятора: поддержание ценовой стабильности (таргетирование инфляции) и обеспечение стабильности финансовой системы. Как справедливо отмечают Л.Г. Гадий, Е.Д. Джаохадзе, А.М. Киюцевская и М.Е. Чембулатова, «после мирового кризиса перед монетарными властями многих стран была поставлена дополнительная цель, заключающаяся в обеспечении финансовой стабильности. Сложность решения этой задачи связана с отсутствием общепринятых определения и количественных показателей финансовой стабильности. Более того, нет единого мнения о соотношении целей обеспечения стабильности цен, являющейся основной для большинства центральных банков, и поддержания стабильности финансовой системы» [3, с. 68]. Авторы на основе эмпирического анализа приходят к выводу, что «в целом обеспечение стабильности цен в России может рассматриваться в качестве необходимого условия для достижения финансовой стабильности, но этот вывод справедлив только в благоприятных условиях» [3, с. 77], при этом «отрицательная корреляция между целями регулятора была выявлена только в неблагоприятных условиях, что усложняло задачу поддержания финансовой стабильности, обуславливая необходимость реализации для этого специальных мер» [3, с. 81-82].

Стратегические акты в данном контексте играют роль концептуальных фильтров, которые транслируют общесоциальные запросы (на безопасность, доступность услуг, справедливость) в плоскость конкретных регуляторных решений. Два ключевых документа – утвержденная Прави-

тельством Стратегия развития финансового рынка до 2030 года и Основные направления развития финансовых технологий Банка России на период 2025–2027 годов – в совокупности определяют ориентиры для правотворчества и правоприменения. В центре внимания – создание среды, отвечающей трем требованиям: инклюзивность, безопасность и технологическая независимость.

В общей теории права одним из приоритетов называют поддержание разумного равновесия между узкой специализацией законодательных норм и их унификацией. Принцип пропорциональности и баланса различных групп интересов в правовой системе также относится к числу значимых ориентиров. В отраслевом юридическом знании эти положения получают дальнейшую конкретизацию. В частности, в финансовом праве подобные подходы используются при изучении фундаментальных начал, лежащих в основе регламентации банковской деятельности.

Принцип соразмерности (пропорциональности) предполагает, что используемые государством средства правового воздействия должны быть адекватны преследуемым целям и не должны чрезмерно ограничивать права и свободы участников рыночных отношений. В банковской сфере этот принцип реализуется через дифференциацию регулирования: к системно значимым кредитным организациям, банкам с универсальной лицензией предъявляются более жесткие требования (в части капитала, ликвидности, риск-менеджмента), в то время как для банков с базовой лицензией предусмотрены упрощенные процедуры. Такой подход, закрепленный в стратегических документах Банка России, позволяет поддерживать конкурентную среду, не подвергая риску стабильность всей системы.

Учёт интересов различных сторон находит выражение также в том, как сочетаются публично-правовые и частноправовые элементы в работе самого регулятора. В настоящее время правовая линия Банка России приобретает всё более выраженную социальную ориентацию. Согласно Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов, в число приоритетных задач включены: совершенствование и подстройка системы охраны прав потребителей финансовых услуг и инвесторов под меняющуюся конфигурацию рынка; противодействие противоправным посягательствам в финансовой сфере; а также повышение уровня финансовой и инвестиционной грамотности населения. Это свидетельствует о смещении акцентов от сугубо надзорных функций к более широкой миссии по формированию доверительной среды.

Система актов стратегического планирования Российской Федерации в сфере финансового рынка представляет собой многоуровневую структуру нормативно-правовых и программных документов. Ключевыми элементами данной системы выступают федеральные законы, указы Президента РФ и правительственные программы развития финансового сектора. Эти документы формируют правовые основы регулирования банковской деятельности, устанавливая принципы организации и функционирования кредитных институтов.

Иерархия стратегических актов в финансовой сфере отражает распределение полномочий между органами государственной власти. На федеральном уровне базовые параметры государственной политики закрепляются в указах Президента РФ. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации задает общие ориентиры для всех отраслей, включая финансовую. Правительство РФ, реализуя свои полномочия, утверждает отраслевые стратегии, в частности Стратегию развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года. Этот документ определяет основные направления государственной политики в сфере финансового рынка, включая задачи по развитию банковского сектора, страхового рынка, рынка ценных бумаг.

Акты стратегического планирования Банка России занимают особое место в системе источников финансового права. Не обладая формальной юридической силой нормативных правовых актов, они выполняют функцию отправной точки формирования направлений правовой регламентации [6, с. 142].

Будучи мегарегулятором, Банк России издает документы, которые не только конкретизируют положения правительственных стратегий, но и формируют собственную, детализированную дорожную карту. К таким документам относятся, например, Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов, Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов, Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов. Эти акты, хотя и не имеют статус нормативных, обладают высоким регуляторным потенциалом, определяя вектор развития подзаконного нормотворчества и правоприменительной практики.

Трансформация регуляторных инструментов Банка России в условиях цифровизации. Анализ показывает возрастающую роль документов Банка России в системе стратегического планирования. Являясь мегарегулятором, Банк России обладает уникальной комбинацией полномочий:

нормотворческих, надзорных, правоприменительных и, что особенно важно в контексте данной статьи, правоинтерпретационных.

Документы стратегического планирования Банка России, сочетая в себе черты нормативного и программного характера, оказывают прямое влияние на эволюцию финансово-правовых институтов. Они задают векторы для модернизации банковского надзора (переход к риск-ориентированной модели, развитие консультационного и поведенческого надзора), развития национальной платежной системы, внедрения цифровых технологий и борьбы с киберугрозами. По мнению исследователей, «для нейтрализации возникших рисков и достижения макроэкономической стабильности российской экономики возрастает значение финансовой системы в формировании антисанкционной политики государства. Это требует поиска новых инструментов государственного регулирования с целью выполнения стоящих перед ней задач, которые должны принять на себя основные функции противодействия санкционной политике и обеспечения структурной трансформации экономики путем выстраивания новой системы платежей и расчетов, а также формирования внутренних механизмов привлечения инвестиций в экономику» [1, с. 181]. Данный подход, закрепленный в стратегических документах, отражает эволюцию целей регулирования в условиях геополитических изменений.

Особого внимания заслуживает расширение интерпретационных полномочий Банка России. Принятие Федерального закона от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)», наделившего Банк России полномочиями давать разъяснения по применению законодательства о кредитных историях, является знаковым событием. Федеральный закон «О кредитных историях» был дополнен статьей 2.1 следующего содержания: «Банк России дает разъяснения по вопросам практики применения законодательства Российской Федерации о кредитных историях, обобщает и анализирует практику применения настоящего Федерального закона, разрабатывает методические рекомендации по его применению».

Это единичный в современной практике случай законодательного закрепления за органом исполнительной власти (фактически) права официального толкования федерального закона. Ранее подобный опыт уже существовал в отношении Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» (ныне утратил силу). Наделение Банка России такими полномочиями подчеркивает его уникальную роль в финансовой

системе и направлено на унификацию правоприменительной практики, что, безусловно, укрепляет доверие к рынку и снижает регуляторные риски для его участников.

Кроме того, все большее значение приобретают акты «мягкого регулирования» – информационные письма и методические рекомендации Банка России. Они оперативно реагируют на вызовы цифровизации, формируя стандарты правопонимания в сферах, где законодательство еще не до конца сложилось (например, в вопросах применения искусственного интеллекта или борьбы с социальной инженерией).

В рамках так называемого мягкого регулирования Банк России выпускает рекомендательные письма. Они дают ориентиры для правопонимания и правоприменения в сферах, которые сегодня складываются в комплексные подотрасли российского законодательства, – публичного денежного права, публичного банковского права, публичного права финансового рынка. Хотя такие письма формально не являются обязательными для исполнения, они фактически задают стандарты поведения, которым следуют добросовестные участники рынка, ориентируясь на позицию регулятора. Это создает эффект «предсказуемого регулирования», что особенно важно для формирования долгосрочных доверительных отношений.

Аналитики отмечают, что «преимущества, связанные с цифровой трансформацией, будут сопровождаться новыми рисками» [9, с. 66]. В этих условиях оперативность «мягкого права» позволяет Банку России быстро реагировать на возникающие риски, не дожидаясь длительной процедуры принятия и изменения федеральных законов. Так, именно в форме рекомендаций первоначально вводились стандарты кибербезопасности, правила взаимодействия банков с клиентами при дистанционном обслуживании, подходы к регулированию краудфандинга и другие важные институты.

Социально ориентированный вектор стратегического планирования. В стратегических и программных документах Банка России сегодня четко прослеживается социально ориентированный вектор. Та позиция, которую регулятор последовательно проводит, напрямую работает на достижение одной цели – создание доверительной среды на финансовом рынке.

Если смотреть на конкретные направления, то можно выделить четыре ключевые линии.

1. защита потребителей и инвесторов. В данном направлении регулятор действует по нескольким линиям: вносит изменения в нормативную базу с учётом трансформации рыночной структуры, совершенствует внесу-

дебные способы разрешения конфликтов (включая механизм финансового омбудсмена), а также планомерно работает над ростом финансовой грамотности населения.

2. защита от противоправных посягательств. Проблема киберпреступности сегодня стоит остро, особенно с учетом того, что мошенники все чаще прибегают к методам социальной инженерии. В ответ на эти вызовы Банк России делает ставку на повышение киберграмотности и создание надежной цифровой инфраструктуры.
3. Повышение доступности качественных финансовых услуг. Расширение доступа к финансовым услугам надлежащего качества. Данная задача касается как физических лиц, так и представителей малого и среднего предпринимательства. Главная цель здесь – достижение инклюзивности финансового рынка. Внедрение удалённых каналов продаж, с одной стороны, делает услуги более доступными, но с другой – предъявляет повышенные требования к надёжности гарантий для клиентов. В связи с этим регулятор формирует для данной сферы специализированные решения.
4. Создание условий для безопасного внедрения цифровых и платежных технологий. В фокусе внимания – обеспечение технологического суверенитета. Для этого развивается национальная платежная инфраструктура, поддерживаются отечественные разработки в сфере финансовых технологий, а также выстраивается регулирование в отношении искусственного интеллекта.

Как справедливо отмечают Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова и К.В. Мацюпа, «анализ приоритетов финансово-правовой политики, закреплённых в стратегических документах Банка России, позволяет выделить своеобразную триаду: расширение общественно значимых характеристик системы защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов; усиление нравственных начал публичного банковского права и публичного права финансового рынка в связи с процессами цифровизации; оптимизацию правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных технологий в публично-правовой деятельности Банка России, Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» и института финансового уполномоченного» [7, с. 127]. Данный подход представляется методологически значимым, поскольку позволяет системно оценить вектор развития регуляторной практики и выявить внутреннюю логику формирования доверительной среды.

Ярким проявлением социально ориентированного курса выступает механизм самостоятельного запрета на получение кредитов. Соответствующий Федеральный закон № 31-ФЗ был принят 26 февраля 2024 года и начал действовать с 1 марта 2025 года. Его разработка и введение стали результатом выстроенного взаимодействия Банка России с широким кругом сторон: банковским сектором, участниками финансового рынка, федеральным законодателем, депутатами, Правительством, профильными министерствами и ведомствами, Администрацией Президента, а также общественными структурами.

С принятием закона появился новый для российской практики институт – самозапрет на кредиты. По своей сути это социально значимый инструмент: он позволяет защищать права и законные интересы потребителей финансовых услуг и укреплять их финансовую безопасность. Суть механизма заключается в том, что гражданин может внести в свою кредитную историю сведения о запрете на заключение с ним кредитных договоров. Кредитные организации, получив заявку на кредит, обязаны проверить наличие такого запрета и отказать в выдаче кредита, если он установлен.

Данный механизм направлен на защиту граждан от мошеннических действий, когда злоумышленники оформляют кредиты на чужое имя, используя похищенные персональные данные или методы социальной инженерии. Инструмент «самозапрет» дает гражданину возможность добровольно ограничить свою кредитоспособность. Если он установлен, оформить кредит без личного участия заемщика становится невозможно. Для российской правовой системы это нововведение принципиально важно: оно объединяет публичную защиту с частной инициативой, ставя гражданина в активную позицию по обеспечению собственной финансовой безопасности.

Банк России продолжает уделять пристальное внимание применению искусственного интеллекта на финансовом рынке. Корректировки, которые Президент внес в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, требуют уточнения подходов к регулированию. Искусственный интеллект уже активно используется в скоринге, робоэдвайзинге, алгоритмическом трейдинге и биометрической идентификации. Это открывает серьезные возможности для повышения эффективности работы, но вместе с тем несет и риски: непрозрачность алгоритмов, случаи дискриминации и уязвимость перед киберугрозами.

Разработка подходов к регулированию искусственного интеллекта ведется Банком России в тесном взаимодействии с участниками

рынка и научным сообществом. Предполагается, что регулирование должно быть гибким, основанным на оценке рисков, и не должно сдерживать инновации. В то же время необходимы четкие требования к прозрачности алгоритмов, ответственности за принимаемые на основе искусственного интеллекта решения, защите данных, используемых для обучения нейросетей.

В числе приоритетов Банка России – выработка современных подходов к регулированию дистанционных продаж. Особое внимание уделяется защите прав потребителей в сегменте кредитов и вкладов. С одной стороны, онлайн-каналы делают финансовые услуги более доступными. С другой – они порождают риски, с которыми нельзя не считаться: навязывание невыгодных условий, недостаток информации, мошенничество. Задача регулятора – создать такие стандарты продаж, требования к раскрытию информации и контрольные механизмы, которые позволят потребителю делать выбор самостоятельно и на основе полной информации. Банк России в аналитическом докладе «Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке» указывает на то, что за последние 10 лет был реализован ряд национальных проектов по развитию платежной инфраструктуры: созданы национальная система платежных карт, система передачи финансовых сообщений, системы быстрых платежей, завершена разработка платформы цифрового рубля, идет ее пилотирование на реальных денежных средствах. При этом все эти сервисы доступны всем участникам рынка на равных условиях. Это содействует выравниванию конкурентной среды на российском платежном рынке, а также позволяет его участникам создавать собственные новые платежные продукты и сервисы с меньшими затратами.

Проблемы координации и пути совершенствования правового регулирования. Главная проблема, которая исследуется в статье, – это рассогласованность в системе стратегического планирования. Одни и те же регуляторные нормы прописаны сразу в нескольких документах, а ведомства слабо координируют свои действия. Приоритеты в актах Банка России, Минфина и Правительства не всегда совпадают, из-за чего оперативно реагировать на риски становится сложнее. В результате появляются регуляторные лакуны, а участники рынка несут более высокие транзакционные издержки.

Помимо координационных проблем, существует и методологический дефицит. Как справедливо отмечают А.Н. Воронков и А.А. Строков, действующая система стратегического планирования, несмотря на принятие Федерального закона № 172-ФЗ, не в полной мере учитывает необходи-

мость применения одновременно нескольких методов теории принятия решений в условиях глобальной нестабильности, экономических санкций, риска и неопределенности [2, с. 24]. Исследователи обращают внимание на то, что стратегический план, по сути, представляет множество решений, принимаемых в условиях конфликтов, а потому при его разработке целесообразно сочетать классический (вероятностный), познавательный (ориентированный на открытие новых альтернатив) и радикально-субъективный методы [2, с. 24-25]. В контексте финансового рынка это означает, что стратегические документы Банка России и Правительства РФ должны предусматривать не один (как правило, оптимистичный или базовый) сценарий развития, а как минимум три варианта, включая стрессовый. Только при таком подходе акты стратегического планирования смогут выполнять функцию эффективного антикризисного инструмента, а не формального декларативного документа.

Что касается стратегических документов, они предусматривают комплекс мер поддержки банковского сектора на случай экономической нестабильности. Основной упор сделан на антикризисные механизмы рекапитализации системообразующих банков. Однако, как показывает практика, эффективность этих механизмов может снижаться из-за отсутствия единой методологической базы и четкого разграничения компетенций между различными органами.

Как справедливо отмечает В.В. Терехова, «анализ последних российских законодательных новаций позволяет прийти к выводу, что проблема «фоновое законодательное сдерживание и запрета» на развитие инновационных технологий в современной России на уровне руководства страны явно осознана, и властями уже принимаются меры, направленные на своевременную выработку новых норм правового регулирования, способных обеспечить цифровизацию различных сфер гражданского оборота и экономики, в том числе банковской сферы» [10, 177]. Однако скорость адаптации законодательства не всегда успевает за темпами технологических изменений и геополитических вызовов.

Для устранения выявленных правовых коллизий и повышения эффективности формирования доверительной среды представляется целесообразным реализовать комплекс мер.

Во-первых, необходима унификация терминологии в сфере финансовой стабильности и стратегического планирования. В настоящее время в различных документах (законах, указах, стратегиях, программах) используются сходные, но не идентичные понятия, что создает почву для разночтений и конфликтов интерпретаций. Разра-

ботка и законодательное закрепление единого понятийного аппарата (гlossария) в сфере финансового рынка могло бы стать важным шагом к повышению определенности правового регулирования.

Во-вторых, обязательную оценку регулирующего воздействия (ОРВ) нужно распространить и на стратегические документы — сейчас она применяется к ним не в полной мере. Прежде чем утверждать стратегию, важно оценить ее социально-экономические последствия, в том числе влияние на доверие участников рынка.

В-третьих, имеет смысл создать межведомственный координационный орган (например, на базе Совета при Президенте по стратегическому развитию) для согласования позиций ЦБ, Минфина, Минэкономразвития и других ведомств. Это позволит синхронизировать стратегии, избежать дублирования и противоречий.

В-четвертых, развитие инструментов «мягкого права» и расширение публичных консультаций с участниками рынка и экспертным сообществом, причем не только при подготовке нормативных актов, но и стратегических. Это повысит качество принимаемых решений и укрепит доверие к регулятору.

В-пятых, требуется совершенствование правовых механизмов защиты прав потребителей в цифровой среде. Помимо уже внедренного института «самозапрета на кредиты», необходимо развитие механизмов противодействия социальной инженерии, включая возможное введение ответственности операторов связи и интернет-платформ за пропуск мошеннических звонков и сообщений, а также усиление требований к кибербезопасности финансовых организаций.

Заключение.

Правовое значение актов стратегического планирования Правительства РФ и Банка России выходит далеко за рамки декларативных документов. Они выступают в качестве:

- концептуальной основы для системного обновления финансового законодательства, обеспечивая его соответствие долгосрочным целям развития страны;
- инструмента балансировки публичных и частных интересов, позволяющего находить компромисс между стабильностью и инновационностью, централизацией и конкуренцией;
- катализатора внедрения этических принципов и стандартов добросовестного поведения на рынке, формирования культуры ответственного финансового поведения как со стороны организаций, так и со стороны потребителей.

Анализ показывает, что успешное формирование доверительной среды на финансовом рынке невозможно без гармонизации стратегических документов и правоприменительной практики.

То, что Банк России наделили уникальными интерпретационными полномочиями, развивают инструменты «мягкого права» и внедряют социально-ориентированные институты вроде самозапрета на кредиты, – всё это шаги в правильном направлении. Регулирование постепенно становится более зрелым: акцент смещается с одного лишь контроля в сторону партнерства, профилактики и повышения правовой культуры участников рынка.

Вместе с тем выявленные дисбалансы просто так не устранить. Нужно дальше настраивать надзорные инструменты, приводить к единообразию терминологию в сфере финансовой стабильности и налаживать более плотную координацию между всеми, кто участвует в стратегическом планировании. Важно также синхронизировать сроки реализации стратегических инициатив с бюджетным циклом и среднесрочным планированием – только тогда приоритетные направления развития финансово-правовых институтов получают необходимую ресурсную поддержку.

Отдельная тема – адаптация правового регулирования к вызовам цифровой экономики. Здесь без проработки не обойтись. Геополитические факторы также вносят серьезные коррективы. Как отмечается в литературе, «современная глобальная архитектура, некогда мыслившаяся как пространство универсальных правовых норм и экономических взаимосвязей, претерпевает фундаментальную трансформацию. Финансовый рынок, являющийся нервной системой этой архитектуры, оказывается в эпицентре геополитических разломов, где правовые инструменты все чаще используются не для регулирования и гармонизации, а для принуждения и дестабилизации». В этих условиях усиливается дуализм права: функция защиты национального суверенитета вступает в сложное взаимодействие с необходимостью сохранения интеграции в международные финансовые процессы.

Только комплексный подход, учитывающий современные цифровые вызовы и геополитические реалии, способен обеспечить долгосрочную устойчивость российского финансового рынка и высокий уровень доверия к нему со стороны всех участников – от государства до рядового потребителя финансовых услуг. Стратегическое планирование в этой сфере должно стать не просто формальным процессом, а действенным механизмом согласования интересов и выработки эффективных, сбалансированных и справедливых правовых решений.

Список литературы:

[1] Вахтуров Е.В., Орлова Л.Н. Приоритеты регулирования финансовой системы в условиях новых вызовов для России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – №105. – С. 180 – 188.

[2] Воронков А.Н., Строков А.А. Стратегическое планирование экономического развития России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2019. – №1. – С. 23–26.

[3] Гадий Л.Г., Джаохадзе Е.Д., Киюцевская А.М. и др. Ценовая и финансовая стабильность: возможно ли противоречие между этими целями Банка России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – №3. – С. 67–83.

[4] Елизарова Н.В. Финансовое право. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 148 с.

[5] Жилкина Ю.В. Финансовая система и обеспечение экономической безопасности России в условиях санкций // Вестник ТОГУ. – 2018. – №3. – С. 33–37.

[6] Миронова М.В. Акты стратегического планирования Банка России как предварительная стадия правотворчества: вопросы теории и практики // Журнал юридических исследований. – 2026. – № 1. – С.142–147.

[7] Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н., Мацюпа К.В. Приоритеты финансово-правовой политики в стратегических документах Центрального банка Российской Федерации (Банка России) в сфере цифровизации российского финансового рынка // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2024. – Т.11. – № 2. – С. 124–132.

[8] Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации: учебник для вузов / А.Г. Гузнов, Т.Э. Рождественская. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 585 с.

[9] Староверова О.В., Крупенко Р.А. Особенности государственного регулирования банковского сектора в России в условиях цифровизации экономики // НИР. Экономика фирмы. – 2024. – №2. – С. 63–67.

[10] Терехова В.В. Правовое регулирование банковской деятельности и цифровизация: проблемы и перспективы развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – №5. – С. 176–179

References:

[1] Vakhturov E.V., Orlova L.N. Priorities of financial system regulation in the context of new challenges for Russia//Public administration. Electronic bulletin. – 2024. – №105. - S. 180-188.

[2] Voronkov A.N., Stokov A.A. Strategic Planning of Economic Development of Russia//National Security and Strategic Planning. — 2019. — №1. — S. 23-26.

[3] Gadiy LG, Jaokhadze ED, Kiyutsevskaya AM, et al. Price and financial stability: is it possible to contradict these goals of the Bank of Russia//Journal of the New Economic Association. — 2020. — №3. — S. 67-83.

[4] N.V. Elizarova Financial Law. - Moscow: IP Ar Media, 2022. - 148 s.

[5] Yu.V. Zhilkina. Financial System and Economic Security of Russia under Sanctions//Vestnik TOGU. — 2018. — №3. — S. 33-37.

[6] Mironova M.V. Bank of Russia Strategic Planning Acts as a Preliminary Stage of Lawmaking: Questions of Theory and Practice//Journal of Legal Research. — 2026. — № 1. — P.142-147.

[7] Pastushenko E.N., Zemtsova L.N., Matsyupa K.V. Priorities of financial and legal policy in

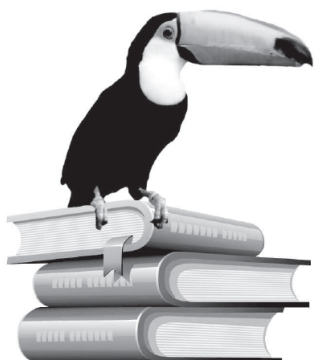
strategic documents of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) in the field of digitalization of the Russian financial market//Bulletin of the Law Faculty of SFU. — 2024. — T.11. — № 2. — S. 124-132.

[8] Regulation, control and supervision of the financial market in the Russian Federation: textbook for universities/A.G. Guznov, T.E. Rozhdestvenskaya. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 585 s.

[9] Staroverova O.V., Krupenko R.A. Features of state regulation of the banking sector in Russia in the context of digitalization of the economy//Research. Firm economics. — 2024. — №2. — S. 63-67.

[10] Terekhova V.V. Legal regulation of banking activities and digitalization: problems and development prospects//Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. — 2021. — №5. — S. 176-179.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru